

ПРИЕМЫ АНАЛИЗА ЛИРИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Аннотация: в статье автор предлагает положить в основу изучения творчества поэта или просто поэтического текста концептуальный подход, основанный на последовательном постижении поэтической идеи через проникновение в созданный им образный ряд.

Проблемы преподавания литературы в школе в последнее время активно обсуждаются неравнодушной педагогической аудиторией словесников, взволнованных и высказываниями о необязательности ее изучения, и вариантами введения в практику различных мониторинговых срезов и экзаменов по этому предмету. Проблема, безусловно, рождена спецификой самого предмета: знаниевая составляющая в нем не так велика, точных ответов в ней немного, и ценность литературы прежде всего в открытии, осознании и присвоении чувств, нравственного богатства и эстетического смысла прочитанных текстов. Довольно сложно научить, тем более проверить умение ученика чувствовать, понимать, толковать образ, которым и ценна литература, искусство неслучайного слова. Образ, ключевое понятие литературы, – это способ отображения и преобразования мира через собственное Я, и его постижение – это не только путь к тексту и миру, но и путь к себе, необходимый взрослому человеку.

Уже признано многими коллегами–словесниками, что сложнее всего работать в школе с лирическим текстом, в котором часто нет сюжета, ясно выраженных мотиваций поступков, ощущений и чувств, и сложно бывает преодолеть некую искусственность, связанную с особенностями поэтической формы речи. Часто на таких уроках лирический текст становится либо материалом для отработки навыков выразительного чтения, либо иллюстрацией рассказа о жизни поэта. Выстроить систему работы с лирическим текстом, которая смогла бы раскрыть ученикам его богатейший потенциал – такова цель моих размышлений и опыта работы, результатами которых хотелось бы поделиться.

Мы предлагаем положить в основу изучения творчества поэта и просто поэтического текста концептуальный подход, основанный на последовательном постижении поэтической идеи через проникновение в созданные им образ, образный ряд, образную идею. Для уроков по подобным темам возможна такая система погружения в художественный мир отдельного текста или творчества поэта:

- ключ–образ (выявление и толкование основного образа, являющегося отправным сигналом к анализу);
- ключ–фраза (анализ афористического выражения темы, фразы, непременно содержащей противоречие, что является движущей силой любого художественного текста);
- ключ–текст (разбор поэтического текста, являющегося основным на уроке, хотя при этом возможно упоминание или чтение ряда других текстов для расширения общего поэтического поля);
- ключ–идея (формулировка основной поэтической мысли).

Подобную систему мы использовали при разработке уроков изучения творчества И. Бродского в 11 классе, при разговоре с пятиклассниками о стихотворении М.Ю. Лермонтова «Парус», практикуем такую работу постоянно. Хотелось бы поделиться размышлениями по поводу организации анализа на уроке стихотворения А. Блока из цикла «На поле Куликовом» (в учебнике В. Коровиной – материал 8 класса).

Перед началом разговора о знаменитом тексте Блока необходимо восстановить идейно-ассоциативный ряд цикла – вспомнить, чем были для России Куликово поле и великая битва 1380 года. Это тоже образ–символ, который включает в себя не только отвагу и подвиг русских воинов, их готовность к любой жертве, но и решимость изменить привычную (300 лет!) ситуацию ига, пробуждение национального самосознания, боль за поруганную, попорченную врагами отчизну. Как же этот образный ряд реализуется в главном стихотворении цикла («Река раскинулась...»)?

Итак, *ключ–образ* – это, конечно, Русь. Это не просто река и поля, дубравы и березки. Это легенды и верования, это поэтический мир песен и сказок, это вера и люди, чью боль и радость ощущаешь как свою. Это язык, который объединяет нас, сегодняшних, и самого Блока, и Суворова, и воинов Дмитрия Донского, и молитвы Сергия Радонежского. Это мир, который воплощает лучшее в нас – любовь к миру, стремление к добру, гармонии, желание помочь и поддержать. Если мы считаем, что речь в любом поэтическом тексте не просто о предмете, пейзаже, то Русь в жизни лирического героя – это, без чего он не представляет своей жизни. Любовь к ней заставляет героя отказаться от спокойной жизни, потому что быть счастливым, чувствуя ее печаль, он не способен.

Шаг второй – *ключ-фраза*. Это обычно сильное место текста – как правило, либо его начало, либо финал. В нашем случае это первый катрен:

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога [1, с.134].

Неспешная, размеренная речь обнаруживает неожиданную дисгармонию: пятистопный ямб вдруг взрывается двустопным, дважды употребленный перенос мешает любованию пейзажем. На образном уровне происходит тот же перелом: река, берега, стога – узнаваемые, родные детали русского мира, ощущение широты, покоя (раскинулась, моет, степь, лениво) словно затемняются, усложняются образами тяжелыми, тоскливыми: скудный (нищий, бедный, небогатый), обрыв (край, падение), болезненный цветовой эпитет «желтый». И дважды – глагол «грустят». Противоречие налицо: прекрасная, широкая, такая любимая Русь не просто неспокойна – она в тоске, почти на краю, она больна. Это противоречие – боль лирического героя, движущая сила, заставляющая его искать причины этого страдания.

Шаг третий – *ключ-текст*, разбор образного мира художественного произведения, всматривание в мир образов, создающих художественную ткань текста. Они встраиваются в уже открытую нами систему противоречий, развивая ее, обогащая новыми поворотами внутреннего сюжета. Осознание трагедии родины заставляет лирического героя понять свой путь – путь защитника, не сына, но мужа:

О Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь... [1, с.134].

Этот путь – битва за освобождение родины, чью боль герой чувствует как рану («стрелой татарской древней воли пронзил нам грудь»). Этот путь – преодоление мрака, смерти и страха («мглы ночной и зарубежной я не боюсь»). Это решимость героя, готовность к подвигу, стремление к битве и вера в то, что именно это – путь к свету («озарим кострами степную даль»). Это уверенность в святости своего дела, в помощи Божьей (поэтому сквозь «глухой дым» виден блеск «святого знамени»). Неспешность и размеренность первого катрена сменяется нарастающим грозным темпом, грозным потому, что приходит осознание того, что эта битва – бесконечна. Ночная бескрайняя степь, озаряемая огненными вспышками, светла лишь там, где пролилась кровь, и для рождения и утверждения света требует новых жертв. Герой понимает: решившись на эту битву, он обрек себя на «вечный бой», на бесконечный не-покой, на постоянные жертвы, и это не та мирная жизнь, о которой он мечтал («Покой нам только снится...»). Той, прошлой, спокойной, хотя и грустной жизни уже не будет, рубеж перейден. Но происходит чудо: словно напитавшись мощью и неукротимостью своих воинов, Русь на наших глазах из грустной, медлительной, болезненной становится иной, рвущейся к будущему через страдания и боль:

Сквозь кровь и пыль
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль... [1, с.134].

Степная кобылица – это летящая в будущее Русь, осознавшая свою силу и волю. Это уже не просто образ – символ. Не случайно Русь – кобылица: конь – извечный русский образ-мечта о счастье. И конек на крыше русской избы, и подкова над дверью, и сказочная мечта – Сивка-бурка, конь-товарищ, и былинные богатыри, и кони на русских иконах, и прыжки конем, и гоголевская «птица-тройка», и даже мчащиеся кони в телезаставке «Вестей» – это все разные грани давней русской веры в счастье, неожиданное и прекрасное, как летящая по степи кобылица. Это Русь, с каждым шагом обретающая силу и веру в себя, и остановить ее уже невозможно («И нет конца!»). Ни страх и слезы («испуганные тучи»), ни боль и смерть («закат в крови») уже не могут остановить этого летящего шага Руси, устремленного в будущее, потому что нашли в себе силы шагнуть вперед ее воины:

Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь! [1, с.135].

Каков же вывод? Что помогло преобразению отчизны? Родина складывается из чувств, поступков, мыслей каждого из нас. Она больна нашей болью и сильна нашей силой. Она – источник нашей мощи и ее результат. И поэтому каждый из нас – родина, и какова будет ее судьба, зависит от каждого нашего шага. Это и есть ключ-идея, может быть, немного сложная, но постижимая благодаря своему яркому образному воплощению.

Именно подобный подход к анализу стихотворения представляется нам эффективным потому, что этот способ постижения художественного текста соответствует специфике языка литературы. Выраженная в образе идея ярка, убедительна, легко воспринимается. Этот образ еще не раз появится на страницах русской литературы, например, в толстовском романе «Война и мир»: за то, что происходит в мире и в нашем отечестве, ответствен каждый из нас. И любой наш поступок творит судьбу всей страны и целого народа – наши ошибки и пороки делают ее слабой, а самоотверженность, доброта придают ей силу и мощь. Знаком того,

насколько углубились, усложнились мысли детей о своей Родине, является сопоставление двух групп рисунков: ученикам было предложено нарисовать Россию до и после работы над стихотворением. Если рисунки первой группы – это прежде всего пейзажи или детали государственной символики, то работы второй группы более сложны, насыщены и по краскам, и по сути: церковные колокола и купола, знамена и воины, летящие кони – самые разные, но прекрасные в полете. Появились и портретные работы, потому что Россия – это не абстрактное понятие, это каждый из нас. А ведь это важно, чтобы уже сегодня подростки задумались о собственной значимости для судьбы огромной страны. И помог этому Блок и цикл «На поле Куликовом». Неужели такие уроки могут стать необязательными?

Список литературы

1. Блок А. В огне и холоде тревог... - М.: «Детская литература», 1980.
2. Гаспаров М. О русской поэзии. – С-Пб.: «Азбука», 2001.
3. Пустовойт П.Г. Слово. Стиль. Образ. – М.: «Просвещение», 1965.